

41. Тимербаев, Р.М. Рассказы о былом: воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом / Р.М. Тимербаев. – М.: РОССПЭН, 2007. – 271 с.
42. Трояновский, О.А. Через годы и расстояния / О.А. Трояновский. – М.: Вагриус, 1997. – 382 с.
43. Феклисов, А. За океаном и на острове / А. Феклисов. – М.: ДЭМ, 1994. – 177 с.
44. Хрущев, Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4-х т. / Н.С. Хрущев. – М.: Московские Новости, 1999.
45. Черняев, А.С. Моя жизнь и мое время. Мемуары / А.С. Черняев. – М.: Междунар. отн., 1996. – 464 с.
46. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972 – 1991 годы / А.С. Черняев. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1048 с.
47. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Чуева / Ф. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.
48. Шахназаров, Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощников / Г.Х. Шахназаров. – М.: Рос-сика, Зевс, 1993. – 624 с.
49. Шебаршин, Л.В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки / Л.В. Шебаршин. – М.: Центр-100, 1992. – 352 с.
50. Шеварднадзе, Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Э. Шеварднадзе. – М.: Европа, 2009. – 428 с.
51. Israelyan, V.L. Inside the Kremlin during the Yom Kippur War / V.L. Israelyan; forew. by A.Z. Rubinstein. – University Park: The Pennsylvania Univ. Press, 1995. – XIV+238 p.

Яковлева Г.Н.

ФОНДЫ ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА ПО ОХРАНЕ ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ПЕЧАТИ ПРИ ВИТЕБСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны советское общество было проникнуто чувством гордости за победу, надеждами на перемены и ожиданиями новой, более счастливой жизни, заслуженной героизмом народа, спасшего свою страну. В среде интеллигенции возникли ощущения, что государство преобразуется, станет более гуманным, а общество более открытым, что сохранятся и даже усилятся контакты с бывшими союзниками по разгрому нацизма. Однако надеждам не суждено было сбыться. Начиная с 1946 года, была организована целая серия идеологических кампаний, которые должны были указать интеллигенции на прежнее, подчиненное, место в обществе, вновь вернуть её к необходимости выполнять задачи, поставленные властью, пресечь всякие иллюзии по поводу возможности сформулировать некие идеи об изменениях, назревших в обществе.

Сердцевиной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет, был советский патриотизм. Принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине и строительство коммунизма. В одной из статей 1947 г. говорилось: «В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественному строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину» [1, с.174].

Идеологический контроль в стране резко усилился, максимально политизировались все сферы жизни общества, возросла роль, значение и объем работы таких органов, как Главрепертком Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Управления уполномоченного Совета Министров СССР по охране военной и государственной тайны в печати (Главлит). В БССР действовал Белглавлит и подчинявшиеся ему обллиты. Рассекреченные в 1990-е годы фонды Витебского обллита (Фонд 3991) помогают ощутить специфику общественно-политической ситуации в стране на местном уровне в конкретной ситуации конца 1940-х – начала 1950-х годов.

Витебский обллит возглавлял бывший начальник отдела контрразведки «Смерш» одной из танковых армий в годы войны [2, л.63]. Районные уполномоченные (райлиты), выполнявших эту работу по совместительству, как правило, возглавляли отделы пропаганды и агитации соответствующих райкомов. Однако даже в 1951 году среди них только трое имели высшее, а пятеро – незаконченное высшее образование. Обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ (б). Политцензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль за об-

ластной и районными газетами, радиопередачами, мелкопечатной продукцией (афиши, программки, плакаты и т.д.). Они контролировали деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад и др. Цензоры не должны были пропустить в печать сведения, составляющие военную, экономическую или государственную тайну (отсюда – знаменитые «вычерки»). А также осуществлять политико-идеологический контроль, не пропуская материалы идеологически невыдержанные, политически вредные, порочившие советскую действительность, обеднявшие облик советского человека, низкопоклонствующие перед Западом и так далее. Нельзя было пропускать ошибок даже технического характера (опечаток, пропусков букв), которые могли тогда трактоваться как вредительство или контрреволюционная вылазка замаскированных врагов.

В 1945 году в области было изъято 53 экз. «политически вредной литературы» из 10 библиотек, сделано 5 вычерков из областной газеты и 5 из передач областного радиовещания, «...изъято 2500 экз. газеты «Витебский рабочий» ввиду политически вредной опечатки от 13.11.1945 №134, ...запрещены две радиопередачи» [3, л.2]. В 1948 г. по городу было изъято уже 136 книг 73 названий, сделано 54 вычерка из газет и радиопередач [2, л.5,8]. За 1950 год обллитом сделано 113 вычерков, предупреждено 7 политических искажений, изъято 5300 экземпляров политически вредной литературы, 203 экземпляра портретов [2, л.56].

Почтительное, можно даже сказать, трепетное отношение к Сталину было не только личным выбором каждого, но и культивировалось всей советской идеологией и контролировалось соответствующими органами. Наказание полагалось не только за мнения и поступки, направленные против вождя, но и действия, которые такой цели не преследовали и часто носили характер недоразумения, неточности, непреднамеренной ошибки, опечатки, какой-то технической погрешности и т.д. В 1947 году районная газета «Сталинец» Ореховского района стала объектом пристального внимания Витебского обллита. В письме секретарю обкома начальник Обллита, сделав обзор ошибок, допущенных редакцией газеты, требовал обратить внимание райкома и обкома на работу газеты. Письмо возымело действие, было обсуждено на заседании райкома партии, а на редактора и райлита, «виновных в помещении искажённого портрета тов. Сталина», наложено партийное взыскание [3, л.16]. При проверке Брестского обллита в сентябре 1949 года как вопиющий факт, не вызвавший, однако, соответствующей реакции местных органов власти, Главлитом БССР упоминался случай помещения в ряде районных газет Брестской области «искажённых клише портрета тов. Сталина. Несмотря на это они были распространены среди населения». В Пружанском районе в газете «Красное знамя» было помещено «...недоброкачественное клише с фото тов. Жданова» [4, л.17].

14 августа 1946 года было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором говорилось не только о безыдейности и аполитизме М. Зощенко и А. Ахматовой, но и впервые звучали серьёзные обвинения литераторов в низкопоклонстве перед Западом. А. Жданов в своих выступлениях перед партийным активом и собранием писателей Ленинграда, посвящённых разъяснению сущности постановления о журналах и основных требований к современной идеологической работе, говорил: «Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Запада?» [5, с. 14].

Летом 1947 г. в парторганизации страны было разостлано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». Как «антипатриотический и анти-

государственный поступок» в письме характеризовалось предоставление двумя учёными-медиками для публикации в США своих статей по проблемам лечения рака. В письме говорилось, что «дурная болезнь низкопоклонства перед границей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен предел» [Цит. по: 6, с.48]. В 1946 году появились два других постановления – «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме «Большая жизнь».

В отчёте Витебского обллита за 1947 год отмечалось: «Витебский обллит в своей практической работе в 1947 году руководствовался такими программными документами как Постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров» и кинофильме «Большая жизнь», указаний Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны», Постановлением СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону от 8 июня 1947 года». В основу нашей работы также положены приказы, циркуляры и указы Главлита СССР и БССР об усилении политико-идеологического контроля над произведениями печати с тем, чтобы не допустить в печать безыдейных и аполитичных статей или материалов, содержащих политически вредные положения» [3, л.9].

Отчет за 1948 год утверждал: «Основной задачей в работе Витебского обллита за 1948 год является выполнение решений ЦК ВКП (б) об идеологической работе. В связи с этим идеологическая работа Обллита строилась в направлении воспитания работников аппарата Обллита, а также и районных цензоров на усиление большевистской бдительности к контролируемым материалам, с тем, чтобы исключить всякую возможность разглашения военной, государственной и экономической тайны в печати и не пропускать ни одного факта опубликования в печати запрещенных сведений. Кроме этого большое внимание работников аппарата Обллита, а также и районных цензоров обращалось на то, чтобы в процессе осуществления контроля за печатной продукцией наряду с недопущением разглашения военной, государственной и экономической тайны, усилить политико-идеологический контроль над произведениями печати, всемерно проявлять большевистскую непримиримость ко всякого рода идеологическим извращениям и партийную принципиальность, сугубо критически подходить к просмотру материалов, помещенных в печати, с тем, чтобы исключить возможность проникновения в печать низких по идейному уровню статей и материалов, своевременно предупреждать ошибки идеологического характера, всякого рода политические опечатки и искажения, не допускать печатания в газетах статей и материалов, высказываний, содержащих преклонение перед Западноевропейской культурой и техникой» [2, л.1].

В феврале 1948 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об опере «Великая дружба». Затронула кампания борьбы с формализмом и безыдейностью в музыке и местные культпросветучреждения. В мае 1948 года отдел культурно - просветительных учреждений Витгорисполкома провел совещание руководителей кружков художественной самодеятельности Витебска по решению ЦК ВКП (б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели. «На совещании была подвергнута критике работа отдельных руководителей кружков, их репертуар (Иоффе, Вельтман), даны указания о дальнейшей работе кружков в свете выполнения решения ЦК ВКП (б)» [7, л.13]. В планах работы городских библиотек появляются задачи, соответствующие установкам партии по идеологической работе. Типичной становится следующая формулировка в плане работы витебских библиотек: «В основу своей работы библиотека положила пропаганду советского патриотизма, произведений классиков марксизма-ленинизма, пропаганды мичуринской науки, произведений советской художественной литературы, особенно лауреатов Сталинских премий» [8, л.44, 50]. «В Витебске за 4 месяца 1949 г. городскими библиотеками произведена 731 книговыдача произведений Ленина – Сталина. По сельскому хозяйству читаются книги Лысенко «Агробиология», «Искусство творения»,

«Преобразователи природы», сочинения Мичурина. Книга Вильямса «Основы земледелия» читается в малом количестве. Книги Ажаева, Бабаевского, Полевого и других читаются всеми читателями и почти не бывают на полках», - отмечалось в отчете отдела культурно-просветительных учреждений Витебского горисполкома за 1949 год [7, л.22]. В библиотеке им. Пушкина на тему «Советский патриотизм» в феврале 1950 году было проведено 13 чтений, 9 бесед, 1 лекция [8, л.47об.]. Характерно, что ни одна библиотека города вообще не планировала никаких мероприятий, посвященных западноевропейской литературе.

В августе 1949 года в Витебске был открыт парк культуры и отдыха им. Фрунзе. Начало его работы ознаменовалось борьбой против влияния буржуазной культуры на советский народ на местном уровне. В газету «Витебский рабочий» поступило письмо, озаглавленное символично: «Чья гэта культура?». Автор писал: "У першы-ж дзень тут сабралася значная колькасць жыхароў Віцебска. І з першага-ж дня тут выявіўся поўны беспарадак. Нашы працоўныя даўно ўжо асудзілі ўсякае пракланенне перад растленнай заходнееўрапейскай культурай, рэшткі якой мы штодзённа выжываем са здаровага савецкага асяроддзя. Нам, савецкім людзям, па праву дазволена ганарыцца нашай, самай перадавой у свеце сацыялістычнай культурай.

Толькі відаць не адчуваюць гэтага гонару добраўпарадкавацелі новага парку. Няма ў іх пачуцця гэтага новага ў запатрабаваннях нашых людзей. Таму на танцпляцоўцы, напрыклад, - гвалтоўная мітусня. Яно і зразумела: пад гукі аркестра тут танцуюць псіхаватую заходнееўрапейскую фокс-лінду. У перапынак аркестроўцаў замяняюць патэфонныя пласцінкі праз радыёўсіліцель – і зноў-жа беснаваты факсрот, танго і т.п. За цэлы вечар – ніводнага рускага бальнага танца! Узнікае пытанне: чыю культуру наладжваюць у парку: нашу айчынную, або гнілую заходнееўрапейскую?" Автор письма требовал от работников культуры "...ўхіліць рэшткі чуждай нам культуры і наладзіць для адпачынку працоўных горада сапраўдны савецкі парадак" [9, л.3].

В ответе отдела культпросветработы Витебского горисполкома редактору газеты «Витебский рабочий» критика признавалась правильной, и отмечалось о принятых мерах: «1. Пересмотрены все грампластинки и из них отобраны для проигрывания песни советских композиторов, классика и бальные танцы. 2. Даны указания духовому оркестру исполнять репертуар, только утвержденный реперткомом /музыка советских композиторов, классика для слуха/, музыка бальных танцев/.

... Таким образом, после первых дней работы парка культуры и отдыха Отделом культпросветработы были учтены недостатки и приняты меры к тому, чтобы изгнать гнилую западно-европейскую «культуру», принимаются меры по наведению общего порядка, чтобы превратить парк в место культурного отдыха трудящихся» [9, л.1]. Позже оркестры парка и ресторана «Аврора» были взяты на учёт в обллит и представляли свой репертуар на контроль ежеквартально [10, л.15].

Ощущались на региональном уровне отзвуки «ленинградского дела» и борьба с «безродными космополитами». В республике началось массовое изъятие произведений писателей, писавших на еврейском языке, а также книг, статей, портретов репрессированных членов «ленинградской группы». В июле 1950 года после проверок на местах во все обллиты республики был разослан приказ Главлита БССР, в котором отмечалось, что «некоторые книги, подлежащие изъятию по приказам Главлита СССР (Квитко «К солнцу», Бергельсон «Избранное») до настоящего времени не изъяты, недопустимо долго затягивается изъятие книг на базах книготорговых организаций». Книги Вознесенского в Сморгонском районе изъяты только накануне проверки Главлита БССР, портреты Вознесенского в Кличевском районе Бобруйской области лежали до 21 июня 1950 года, а его книги были изъяты только 10 марта [4, л.37].

Документы обллита позволяют ощутить ту степень секретности, повышенной бдительности, которая царила в обществе периода позднего сталинизма. Можно посочувствовать журналистам того времени, когда фактически любая информация об экономике или обороно-

способности страны была государственной тайной. Более того, фактически нельзя было писать о партизанском движении, потерях в годы войны, размерах репараций и т.д. В 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». Была изменена экспозиция в Музее истории Великой Отечественной войны. Неоднократно, по представлению цензоров, изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска, Орши и Лепеля. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о захваченных трофеях вооруженными силами СССР [2, л.60]. В 1951 году после проверки работы Брестского обллита Главлит БССР указывал, что один из цензоров при первичной проверке постоянной краеведческой выставки в Бресте «...оставил много экспонатов, разглашающих государственную тайну, не были сделаны замечания по поводу политически неправильного оформленного раздела «Партизанская борьба» [4, л.49]. Экспозиция была изменена только после вмешательства начальника обллита и представителя Главлита БССР.

Из публикаций в газетах вычеркивались упоминания о количестве партизан, действовавших в Беларуси в годы войны, о Герое Советского Союза, даже если он просто зажигал праздничный пионерский костёр. Как чрезвычайное происшествие обсуждался случай, когда в Оршанской районной газете в ноябре 1950 года была опубликована заметка «Сустрэча са школай», в которой речь шла о студентке Московского химико-технологического института рассказавшей, что после окончания вуза будет работать над дальнейшим изучением секретов атомного ядра. «Таким образом, раскрыт факультет в институте, занимающийся проблемами атомной энергии, чем нарушен параграф «Обязательных правил цензуры» [2, л.53].

В июле 1952 года Президиум Совета Министров СССР подготовил проект постановления об укреплении местных органов цензуры, который предусматривал увеличение штата районных цензоров (в местных органах Главлита), а также введение должности освобожденных цензоров вместо работающих по совместительству. Нагрузка на органы цензуры росла, с мест шли предложения о необходимости увеличить зарплату цензорам в связи с увеличением объема работы. Высказывались даже мнения о необходимости перевода органов цензуры в ведение МГБ СССР.

Таким образом, документы обллитов являются важным источником по изучению механизма функционирования политической цензуры в СССР, позволяют реконструировать некоторые черты общественно-политической обстановки в стране, и ту атмосферу, в которой проходила жизнь советских людей в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века.

1. Пыжиков, А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. / А.В. Пыжиков, А.А. Данилов. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 2
3. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 1
4. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 3
5. Жданов, А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» / А. Жданов. – Госполитиздат, 1952. – 30 с.
6. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
7. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 24
8. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 3. - Д. 1
9. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 33
10. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 10

Касатая Т.В.

МЕТОД УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ (ЕХБ) В БССР (1950–1980-е гг.)

Наряду с антропологизацией гуманитарных наук появляются новые попытки интерпретации исторической реальности. Всё большую популярность в этом процессе приобретает устная история. Важнейшим преимуществом нового подхода является возможность посмотреть на имеющиеся данные под другим углом, воссоздать первоначальное многообразие точек зрения, наполнить историю жизнью, расширить её масштаб [3, с. 18].